

VII

Ярмарка была в самом разгаре, когда мы, окончив наши визиты в кельи, облизав все ярусы и осмотрев знаменитую «залу бойцов», спустились вниз не по лестницам, от которых не осталось и следа, а как спускаются ведра в колодцы – на веревках. До трех тысяч народа собралось из соседних сел и городов. Женщины, разукрашенные до пояса, в блестящих *сары*, с кольцами в ноздрях, ушах, губах и всюду, где только можно было их прицепить, с¹ гладко зачесанными назад блестящими от кокосового масла волосами цвета воронова крыла с синим оттенком, косы коих² были украшены пурпуровыми цветами, посвященными Шиве и Бавани³, женской половине бога. Пред храмом образовались ряды лавочек и палаток, где продавались все принадлежности обычных жертвоприношений: ладон⁴, ароматические травы, сандаловое дерево, рис и *гулаб*, красная краска в порошке, которым они мажут идолов и затем собственные физиономии. Факиры, байраги⁵, госсейны, весь штат нищенствующей братии прохаживались в толпе; обвитые четками, с обмазанными синеваою сажей лицами и телом, с их длинными, включенными волосами, собранными на макушке в чисто женский шиньон, они со своими бородами физиономиями представляли пресмешное подобие голых обезьян. Некоторые из них вследствие самобичевания были страшно изранены. Были тут и *бун*, змее-чародеи, с целыми десятками кобр, фурзенов и змей вокруг пояса, шеи, рук и ног – модель, достойная кисти художника, желающего изобразить мужскую «фурию». Особенно отличался между ними один *джадугар* (колдун), обвинивший себе голову кобрами как чалмой: раздув капюшоны и подняв свои зеленые, листообразные головы, кобры безостановочно шипели – шипением, напоминающим тяжелое дыхание умирающего; оно слышно за сто шагов. Быстро высывая тонкое жало⁶, они сверкали маленькими, злыми глазками на всех проходящих... Между прочим, вот что случилось: передаю факт так точно, как происходил⁷, безо всяких объяснений и собственных гипотез, а прямо предоставляя разгадку проблемы натуралистам.

Надеясь, вероятно, на заработок, *бун* в змеиной чалме прислал к нам мальчика, предлагая показать, как он очаровывает змей. Не желая терять случая, мы согласились с условием установить, прежде всего, между нами и его питомцами то, что Дизраэли назвал бы «ученою границей»; поэтому с начала представления мы сидели шагах в пятнадцати от «магического»⁸ круга». Не стану распространяться обо всех штуках и фокусах, какие нам удалось видеть; перейду прямо к главному факту. Вынув *вагуду* (род дудки из бамбука), *бун* сперва погрузил змей в каталептический сон⁹. Наигрываемая им мелодия, тихая, медленная и чрезвычайно оригинальная, усыпила было и нас самих: по крайней мере, всех нас вдруг стало непреодолимо клонить ко сну безо всякой видимой к тому причины. Из этого полуплетаргического состояния мы были вырваны

¹ В «Московских ведомостях»: прицепить; с.

² В «Московских ведомостях»: их.

³ Бхавани (англ. Bhavani).

⁴ ладан (устар.).

⁵ Байраги – нищенствующие монахи.

⁶ Выражение, общепринятое на всех языках, «ужаление» змей чрезвычайно неверно передает факт укушения. Жало змеи (или ее язык) совершенно безвредно. Для того чтоб яд перешел в кровь человека или животного, змее надо «прокусить» тело зубами, а не уколоть жалом, чего никакая змея не делает. Тонкие, как иглы, глазные зубы ее сообщаются с мешечком (железкой, наполненной ядом и находящеюся под нёбом) <В «Московских ведомостях»: с (мешечком) железкой, наполненной ядом и находящеюся под нёбом>; если у кобры вырезать этот мешечек, то она после того живет не более двух, трех дней. Поэтому заявление некоторых скептиков, что *бун* «вырезают» эти мешечки или железки у своих змей, несправедливо. – *Примечание Е.П. Блаватской.*

мешочком (устар.).

⁷ В «Московских ведомостях»: факт таким, каким мы его нашли.

⁸ В «Московских ведомостях»: в 15 от «околдованного».

⁹ Катаlepsия (гр. *κατάληψις* схватывание, удерживание) – состояние, когда человек находится как бы во сне, при этом у него снижается чувствительность к внешним и внутренним воздействиям. Человек длительное время находится в состоянии неподвижности, даже в очень неудобной позе, он совершенно не реагирует на боль, не чувствует голода, не обращает внимания на звуки, не стремится справлять естественную нужду, может даже возникнуть ощущение, что больной мертв. Врачи такое состояние называют «восковая гибкость», потому что человека можно поставить в любую неудобную позу без особых усилий, которая будет сохраняться до конца такого припадка.

нашим приятелем Гулаб-Сингом, который, нарвав какой-то травы, советовал нам натереть ею крепко виски и веки. Затем *буни* вынул из грязного мешка что-то вроде круглого камешка, похожего на рыбий глаз или черный оникс с белой крапинкой посередине, величиной с наш гривенник. Он уверял, что кто купит этот камень, тот «очарует» им какую угодно кобру (на других змей камень не действует), мигом парализуя и под конец усыпляя ее; к тому же это единственное, по его словам, спасение против укушения кобры; следует только немедленно¹⁰ приложить этот талисман к ране, к которой он тут же и пристанет так крепко, что его нельзя будет¹¹ оторвать; затем, высосав весь яд, камень отпадает сам собою, и тогда минует всякая опасность...

Зная какую большую премию правительство назначило за подобное средство, премию, впрочем, еще никем не полученную, мы при виде этого удивительного талисмана не изъявили слишком неблагоразумного восторга. *Буни* между тем стал дразнить своих змей. Выбрав громадную кобру, футов в 8¹² длины, он раздражил ее до бешенства: обвив хвостом пень, она поднялась на дыбы и стала страшно шипеть¹³. Наконец, она укусила *буни* за палец, на котором вскоре показалось несколько капель крови. У толпы вырвался единодушный крик ужаса. Но *буни* не торопясь приклеил к пальцу свой камешек, который и пристал к нему, как пиявка, и затем стал продолжать свои представления. «У змеи мешок вырезан, – заметил полковник из Нью-Йорка, – это просто фарс...» Как бы поняв замечание, *буни*, после небольшой борьбы в ловкости, поймал кобру за шею одною рукой, а другою всунул ей в рот сломанную спичку, установив ее перпендикулярно между двумя челюстями, так что они остались разинутыми; затем он стал подносить змею к нам поочередно, указывая на убийственную железку с ядом. Но полковник сдался не сразу. «Мешок там, а яду, быть может, и нет. Почему мы знаем?» Принесли живую курицу и, связав ей ноги, положили возле змеи. Но та отвернулась от жертвы и грозно шипела на *буни*. Тогда, просунув между связанных лап курицы палку, *буни* стал снова дразнить кобру, пока та, наконец, не укусила несчастную птицу. Слабо закудахтала жертва, встрепелась раз, другой и оконечела. Смерть была мгновенная...

Вслед за этим произошло нечто столь странное, что можно быть заранее уверенным, что мой рассказ восстановит против себя всех петербургских и московских антиспиритов и критиков. Но *факты*, даже вследствие самой убийственной критики, не могут перейти в область фикции, а так и останутся фактами. Змея мало-помалу дошла до такого исступления, что видно было, как самому *джадугару* становилось опасно¹⁴ приблизиться к ней. Как бы приклеенная хвостом ко пню, она металась во все стороны передним телом, стараясь укусить что ни попадало. В нескольких шагах от нас показалась собака, и на нее-то теперь *буни* устремил все свое внимание. Скорчившись на земле на благоразумном расстоянии от бесноватшейся кобры, он вперил в собаку неподвижный, стеклянный взор и стал напевать что-то сквозь зубы. Собака сразу обнаружила признаки¹⁵ беспокойства: поджав хвост, она было полуобернулась, чтоб уйти, но осталась как бы прикованною к земле. Через несколько секунд собака стала ползти на животе по направлению к *буни*, все ближе и ближе, слабо визжа и не сводя с него глаз, словно очарованная... Я поняла мысль чародея и¹⁶ мне стало ужасно жаль бедной собаки; мне хотелось как-нибудь спасти ее, разрушить это влияние. Но к ужасу моему я почувствовала, что у меня самой¹⁷ язык как бы прилип к гортани и что мне невозможно было не только встать, но и пошевелить пальцем. Эта дьявольская сцена продолжалась к счастью недолго. Медленно ползя, собака уже была на поларшина¹⁸ от кобры: в одно мгновение со¹⁹ страшным шипением змея кинулась на нее и укусила в голову... С жалобным визгом животное упало на спину, задрогало ногами и менее чем в минуту

¹⁰ В «Московских ведомостях»: немедля.

¹¹ В «Московских ведомостях» далее: и.

¹² 2,4 м.

¹³ «Шипеть» также неправильное выражение. Змея (кобра, по крайней мере) не шипит, а скорее «хрипит»; тяжелое и громкое дыхание раздувает все тело ее, как грудь у человека. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹⁴ В «Московских ведомостях»: было, что самому *джадугару* становилось опасным.

¹⁵ В «Московских ведомостях»: Животное сразу обнаружило знаки.

¹⁶ В «Московских ведомостях»: Поняв мысль чародея.

¹⁷ В «Московских ведомостях»: почувствовал, что у меня самого.

¹⁸ 0,35 м.

¹⁹ В «Московских ведомостях»: с.

издохло. Сомневаться в присутствии яда в мешечке становилось долее невозможным. Между тем камешек отпал от ранки, и колдун стал всем показывать свой заживший палец, на котором чуть краснел укол не более как в булавочную головку. Поставив всех своих змей на хвосты и держа камешек между большим и указательным пальцами, он стал показывать влияние на них своего талисмана. По мере приближения пальцев к головам змей те подавались всем телом назад; упершись глазами в камень, они дрожали, наклонялись все ниже и ниже, пока, наконец, не падали наземь усыпленные... Затем он предложил скептическому полковнику сделать лично опыт. Несмотря на наши предостережения, этот немедленно согласился, выбрав для первого эксперимента большую кобру. Вооруженный *камнем*, полковник храбро подошел к ней и поднес его к голове змеи. Сперва, раздув капюшон, она сделала движение, чтобы кинуться на него, но вдруг остановилась как бы вкопанная и, закинув голову назад, вперила глаза в камешек, которым тот медленно водил по всем направлениям, приближая его постепенно ко лбу змеи и заставляя ее крутиться на хвосте. От страха мы положительно не смели двигаться. Когда же камень, а вместе с ним и пальцы полковника приблизились на полвершка²⁰ от головы змеи,²¹ она вдруг зашаталась всем телом и во все стороны как пьяная; шипенье делалось все слабее, капюшон повис по обеим сторонам шеи; глаза стали закрываться. Склоняясь все ниже и ниже, змея, наконец, упала наземь, как надломленный сучок дерева, и в свою очередь заснула...

Только тогда мы вздохнули свободно. Отведя колдуна в сторону, мы пожелали купить у него камень, на что он, к нашему удивлению, тотчас же согласился, запросив две рупии. Талисман перешел в мою собственность и в настоящее время находится у меня в сохранности. *Бун* уверяет (а наш приятель-индус подтверждает), что это не камень, а нарост. Его находят в нёбе у кобры, у одной из ста, между костью верхней челюсти и кожей, покрывающей нёбо. Камешек этот не прикреплен к черепу, а висит отдельно на жилке и может быть вынут посредством простого надреза кожи; но вслед за этою операцией кобра умирает. По словам Бишу-Натха (имя нашего колдуна), подобный во рту нарост делает из владеющей им змеи нечто вроде царя между кобрами. «Такая кобра все равно что брамин, дваждырожденный брамин между шудрами²² (говорил *бун*) и другие кобры повинуются ей. Эти наросты находятся иногда и у одной ядовитой породы жаб, но их действие гораздо слабее. От укушения кобры найденный в жабе камень необходимо приложить к ранке не позднее как *через две минуты*; камень же кобры действует до последней минуты: пока сердце не перестало биться, он всегда спасет». В подтверждение своих слов *бун* предложил поймать другую собаку, что и было сделано: змея укусила ее, а он приложил к ранке камень; собака даже и не заметила укушения, оставаясь очень спокойно, пока он не отнял камня²³ от раны. Прощаясь с нами, *бун* советовал держать «талисман» в сухом месте и остерегаться оставлять его поблизости мертвого тела или же оставлять при свете во время солнечного и лунного затмения, иначе он потеряет силу. Затем, в случае укушения бешеною собакой, стоило только положить «камень» в стакан с водой и оставить его в ней на ночь, на другой же день дать больному выпить эту воду и он выздоровеет²⁴.

– Это черт, а не человек! – воскликнул полковник, когда *бун* ушел в направлении к святилищу Шивы, куда нас, впрочем, не пустили.

– Такой же смертный, как и мы с вами, – заметил, улыбаясь, *раджпут*, – и даже очень невежественный. Только, как почти все эти *serpent charmers*²⁵, он воспитан браминами во храме Шивы, великого патрона всех змей; там их учат разным «месмерическим фокусам» *практически*,

²⁰ 2 см.

²¹ В «Московских ведомостях»: камень (а вместе с ним и пальцы полковника) приблизился на полвершка от головы змеи, то.

²² *Шудры* – низшая из четырех главных каст: 1) брамины, 2) кшатрии <В «Московских ведомостях»: брамин, 2) кшатриев> (воины), 3) вайши (купеческое сословие) и 4) шудры (земледельцы, слуги). Эти четыре касты подразделяются на бесчисленное множество других. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

вайши (*санскр.* Vaisya).

²³ В «Московских ведомостях»: не отпал.

²⁴ Фрагмент «Змея мало-помалу дошла... и он выздоровеет» был напечатан в газете «Одесский вестник» (1880, №24, 29 января, раздел «Разные новости»).

²⁵ заклинатели змей (*англ.*).

не объясняя им ровно ничего, с целью, чтоб они верили, что все это производится Шивой, которому они, конечно, и приписывают всю честь своих чудес.

– Но ведь правительство давно уже предлагает премию в несколько тысяч рупий за противоядие от укушения кобры. Почему же они не являются за премией, когда каждый год погибает столько народу²⁶?

– Брамины никогда не допустят их до этого. Если бы правительство потрудились вникнуть серьезнее в статистику смертных случаев от укушения змей, то оно нашло бы, что *ни один индус из секты Шивы не умирает еще от кобры*. Умирают люди других сект, а своих они спасают.

– Но ведь вот же он нам, незнакомым и вдобавок иностранцам, открыл секрет. Почему же англичанам не воспользоваться им?

– Потому что для европейцев он совершенно бесполезен. Индусы²⁷ и не скрывают этого противоядия, ибо²⁸ знают, что без них никто не в состоянии им воспользоваться. «Камень» сохраняет свою силу лишь при условии быть вынутым из *живой* кобры. Чтобы поймать эту змею живую, необходимо сперва погрузить ее в летаргический сон или, как это называется, «очаровать» ее. Кто из иностранцев способен на это? Даже между индусами, за исключением воспитанников шиваитских браминов, не найдется ни одного во всей Индии человека, владеющего этим секретом древности. Одни брамины Шивы, да и то далеко не все, а только исключительно принадлежащие к школе лже-Патанжали, к школе так называемых аскетов-*бхутов* (демонов), имеют монополию. Во всей стране осталось лишь с полдюжины таких школ-пагод, рассеянных по всем пунктам Индии; а их обитатели скорее расстанутся с жизнью, чем выдадут тайну.

– Мы заплатили две рупии за камень, который в руках полковника оказал такое же влияние, как и в руках *буни*. Разве так трудно скупать запасы подобных камней?

Наш приятель засмеялся.

– Чрез несколько дней талисман в ваших неопытных руках потеряет всю свою целительную силу. Он оттого-то так дешево и продал вам его, и в эту минуту, вероятно, приносит свой ловкий обман в жертву пред алтарем своего божества. За одну неделю целительного свойства вашей покупки ручаюсь; затем вы можете его смело выбросить за окно.

Мы скоро убедились в истине сказанных слов на деле. Укушенная на другой же день зеленым скорпионом девочка казалась в последних судорогах. Как только мы приложили к ране камень, ребенок получил немедленное облегчение, а через²⁹ час уже весело играл, тогда как в случае укушения даже простым черным скорпионом люди болеют по две недели. Но когда дней *через*³⁰ *десять* после того в Аллахабаде мы пожелали испытать силу «камня» над бедным кули, которого только что ужалила змея (тут же убитая кобра), *талисман* наш даже и не пристал к ране, а чрез час несчастный умер.

Я не берусь ни объяснять, ни защищать свойство «камня»; я просто заявляю факт, оставляя его дальнейшую судьбу на произвол судьбы и господ³¹ скептиков. Но и в этом мне легко найти много живых свидетелей в Индии. Когда Dr. Файрер, только что издавший в свет свое известное во всей Европе сочинение о змеях Индии *Thanatophidia*³², категорически заявил в нем о своем неверии во все эти пресловутые средства «фокусников» Индии, то случилось следующее. Его повар чрез неделю или две по появлении³³ его ученого сочинения между англо-индийцами был укушен коброй. Проходивший мимо дома *буни* вызвался спасти несчастного. Именитый натуралист уже приготовился было приказать вытолкать *буни* за порог, как майор Келлей и другие офицеры упростили его «попробовать». Презрительно махнув рукой и объявив, что чрез час его

---

²⁶ В Индии ежегодно умирает от *двух до трех тысяч* человек от укушения змеями. В прошлом году погибло от тигров и змей до 15000 народу. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

²⁷ В «Московских ведомостях» далее: оттого-то.

²⁸ В «Московских ведомостях»: что.

²⁹ В «Московских ведомостях»: чрез.

³⁰ В «Московских ведомостях»: *чрез*.

³¹ В «Московских ведомостях»: гг.

³² Джозеф Файрер (1824–1907) – английский врач, ученый, автор труда «*Thanatophidia of India*» («Смертельные змеи Индии», 1872).

³³ В «Московских ведомостях»: две после появления.

повара все-таки не станет, доктор согласился. *Через*³⁴ час повар стряпал почтенному ученому и его гостям обед на кухне, а сам профессор чуть было не кинул свое новое сочинение в огонь...

День становился страшно знойным; солнце накалило скалы до такой степени, что они жгли ноги даже сквозь толстые подошвы; к тому же любопытство, возбужденное нашим появлением, и назойливое преследование начинали надоедать нам. Мы решились уйти домой, то есть в нашу прохладную пещеру, находившуюся³⁵ шагах в шестистах от большого храма; там мы собирались провести вечер и ночь. Не дожидаясь наших спутников-индусов, которые отправились на ярмарку, мы пустились в путь одни.

---

³⁴ В «Московских ведомостях»: *чрез*.

³⁵ В «Московских ведомостях»: *отстоящую*.